

Седьмой день.

Белый пар, вырывающийся из ноздрей коня, в морозном утреннем воздухе превращался в легкую дымку и тут же рассеивался. Цзян И резко натянул поводья. Тощая кляча, выменянная на лекарственные травы у беженцев, тревожно всхрапнула, нервно перебирая копытами по щебню горной тропы. Ветер, закручиваясь в низком горном ущелье, принес с севера запах, который Цзян И впитал в себя до мозга костей: тяжелое, невыносимое зловоние гнили, смешанное с запахом испражнений и приторно-сладким, вызывающим тошноту ароматом разлагающихся внутренностей.

Горы трупов в руинах после афганской войны, отчаяние, витающее в палатках эпидемиологических зон Эболы в Африке... Бесчисленные кошмарные видения нахлынули на него, желудок непроизвольно сжался. Это был не короткий запах пороха и крови на поле боя. Это была эпидемия! Масштабная, пожирающая жизни эпидемия!

— Впереди... — прошептал он. Горло сдавило, и каждое слово звучало с металлической резкостью. — Случилось что-то страшное.

Он подстегнул коня и двинулся вниз по извилистой тропе. Миновав огромный обвал, вызванный горным потоком, он увидел открывшуюся панораму, и перед ним, словно проклятая картина, предстала мертвая долина.

Ни крика петуха, ни лая собак, ни струйки дыма над крышами. Несколько засохших софор тянули свои скрюченные ветви к серому небу, а стая ворон, словно зловещее черное облако, кружила над деревней, оглашая окрестности карканьем и тяжелым шумом крыльев. Низкие хижины стояли покосившись, многие двери были распахнуты настежь, напоминая черные пасти, безмолвно взывающие к небу.

У въезда в деревню зрелище было поистине ужасающим. Семь-восемь тел лежали на грязной дороге в неестественных, скрюченных позах. Кто-то свернулся калачиком, вцепившись пальцами в распухшую почерневшую шею; другие лежали навзничь, с широко раскрытыми ртами, на лицах застыло выражение невыносимой муки и ужаса. Кожа, видневшаяся из-под лохмотьев, приобрела жуткий сине-серый оттенок, покрытая темно-фиолетовыми, почти черными пятнами, словно от когтей демона. Больше всего поражали раздутые лимфоузлы на шее и в подмышках — они напоминали спелые нарывы, готовые вот-вот лопнуть.

Цзян И спрыгнул с лошади, его движения были скованными от потрясения. Затаив дыхание и подавляя тошноту, он подошел к относительно свежему трупу и присел на корточки. Это был мужчина средних лет, кончики его пальцев уже почернели от некроза. Осторожно, с помощью тонкой веточки, Цзян И приподнял край его рваной одежды: под мышкой отчетливо виднелся опухший, размером с кулак, лимфатический узел.

— Бубонная чума... а возможно, уже и легочная, — ледяной вывод вонзился в сердце, словно шило. В конце эпохи Восточная Хань летописи часто упоминали великие эпидемии, когда трупы лежали вдоль дорог, но увидеть этот ад наяву было куда страшнее, чем читать о нем. В

древности это означало верную смерть — стремительную, неизлечимую, выкашивающую целые деревни и города.

Холодный пот пропитал его нижнюю рубаху. Разум кричал: Беги! Немедленно! Разворачивайся и делай крюк хоть в сотню ли! Этот невидимый жнец в сотни раз опаснее клинков Желтых повязок!

В этот момент до него донесся едва уловимый, тонкий, как паутинка, стон. Звук доносился из самой крайней хижины, которая выглядела еще относительно целой. Дверь была приоткрыта, и в узкой щели показалась бледная, исхудавшая рука. Она бессильно заскребла по холодному воздуху и безвольно упала.

В ту же секунду этот слабый сигнал о помощи прожег лед страха в душе Цзян И, словно раскаленное железо.

— Черт возьми! — выругался он. Повинуясь инстинкту, он выхватил из седельной сумки чистый кусок грубой льняной ткани. Быстро достал маленький глиняный пузырек и вытащил пробку — в воздухе разлился резкий запах лекарственного спирта. Пропитав ткань — самодельным антисептиком, который он приготовил на днях из крепкого дистиллята (рецепт он нашел в обрывке шкуры, лежавшей в сумке из Ичжоу) и сильнодействующих трав, — он плотно обмотал лицо. Едкий запах ударил в нос, вызывая жжение, но помог привести мысли в порядок.

Он сделал глубокий вдох, чувствуя, как смесь спирта и запаха смерти обжигает легкие. Больше не колеблясь, он привязал к поясу сумку с инструментами и хинином — своим главным секретом и козырем, хотя от чумы он и не помогал, — и тяжелой поступью направился к полуразрушенной хижине, словно к вратам ада.

Внутри было темно и душно. Смрад испражнений, гниющих ран, горечь трав и приторный запах смерти висели в воздухе. Глаза привыкли к полумраку, и он увидел на циновке маленькую фигурку. Мальчик лет десяти, с болезненным румянцем и синюшными потрескавшимися губами. Он дышал часто и поверхностно, каждый вдох давался с хрипом, как у кузнечных мехов, а худенькая грудь судорожно вздымалась.

Цзян И опустился на колени рядом с ним, не обращая внимания на грязь. Коснулся лба — кожа горела! Аккуратно отодвинул лохмотья: под мышкой красовался твердый, как камень, и горячий лимфоузел размером с яйцо.

— Не бойся, — голос Цзян И, приглушенный тканью, звучал низко и успокаивающе. — Я здесь, чтобы помочь.

Он вытащил из сумки отполированные костяные иглы, моток льняной нити и огниво. Зажег почти потухший масляный светильник у двери и подержал иглы над пламенем.

— Кто... ты такой? — раздался из самого темного угла слабый, но удивительно холодный

девичий голос.

Цзян И замер и обернулся. В тусклом свете лампы вырисовывался силуэт девушки, прислонившейся к стене. Она тоже прикрыла лицо старой выбеленной тканью, но даже сквозь болезненную бледность были видны тонкие черты лица, а в осанке, несмотря на рваное платье, угадывалась природная грация и благородство. В руках она держала щербатую глиняную миску с темным отваром.

— Я Цзян И, странствующий лекарь, — кратко ответил он, вновь сосредоточившись на больном мальчике. — Как давно он заболел? — спросил он, точно вонзая прокаленную иглу в раздутую от жара и застоя крови вену на сгибе локтя ребенка.

— Три дня, — в голосе девушки слышалась настороженность, ее взгляд был прикован к игле. — Что... ты делаешь? — она явно никогда не видела такого метода.

— Пускаю кровь, чтобы вывести жар и яд, облегчить боль, — ответил он. Темная, густая кровь с резким запахом медленно потекла по игле на подложенную тряпицу. К удивлению, дыхание мальчика, до этого бывшее на грани удушья, стало ровнее, а нахмуренные брови разгладились.

В глазах девушки изумление сменило настороженность:

— Но... в Су Вэнь говорится, что кровопускание делают в точках Цзин и Ин, чтобы снять жар... разве можно так просто протыкать сосуды? Это...

Это было совсем не то, чему ее учили!

Цзян И не стал объяснять. Его движения были быстрыми и точными: закончив кровопускание, он прижал рану прокипяченной тканью. Подняв голову, он окинул взглядом хижину:

— Сколько живых осталось в деревне?

Взгляд девушки потускнел, словно догорающая свеча:

— Меньше тридцати... в основном немощные старики, женщины да дети... Те, кто мог двигаться, либо умерли, либо... бежали.

— Почему ты осталась? — спросил Цзян И, глядя на ее испачканный подол и побелевшие от напряжения пальцы, сжимающие миску.

Девушка помолчала, встретившись с ним взглядом. В глубине ее холодных глаз читалась твердость камня:

— Им... нужно, чтобы кто-то подал воды, дал лекарство. Умирать... слишком холодно и одиноко.

Голос ее был тихим, но каждое слово звучало весомо, эхом отдаваясь в хижине, пропитанной смертью. Цзян И был поражен. Такое мужество и сострадание в этом аду стоили больше любых слов.

— Ты разбираешься в медицине? — он кивнул на миску.

— Изучала Канон корней и трав Шэнь-нуна и Лин Шу, немного понимаю свойства трав, — девушка осторожно поднесла миску к губам мальчика. — Только вот... мои отвары, кажется... почти не помогают.

Цзян И взял миску и понюхал. Под горечью чувствовались шлемник, коптис и форзиция — классический состав для борьбы с внутренним жаром. Но дозировка... слишком слабая! Против чумной палочки это было как попытка потушить пожар кружкой воды.

— Рецепт верный, — Цзян И отставил миску и расстегнул сумку. — Но болезнь опасна, нужны сильные средства! Нужно увеличить дозу ревеня и гипса, чтобы выгнать жар и вырвать корень болезни! — он принялся ловко смешивать порошки. — И еще: всю воду кипятить и остужать! Вещи умерших, особенно одежду, сжечь! Здоровых отделить от больных. В этой хижине оставить только тяжелых. А ты... — он посмотрел на нее, — реже заходи сюда, а выходя, мой руки кипятком и протирай этим спиртом!

Девушка — Цай Янь — была ошеломлена его решительностью и доселе невиданными методами. Его действия были точны, словно он делал это тысячи раз, и в них сквозил авторитет, не похожий ни на одну из известных ей школ.

— Ваше мастерство... необычно, но логично. Могу я узнать, кто ваш учитель? — не удержалась она.

— Семейное предание, кое-какие навыки из Ичжоу, — уклончиво ответил Цзян И, продолжая растирать порошок. — А как ваше имя?

Девушка помедлила, а затем тихо ответила:

— Меня зовут Цай Янь. Мой отец... Цай Юн.

Цзян И выронил пестик. Тот с резким стуком ударился о край ступки, рассыпав часть порошка. Он резко поднял голову, его зрачки сузились. Цай Янь! Цай Вэньцзи! Талантливейшая женщина, чья судьба станет легендой, та, что напишет Восемнадцать песен о кочевниках, находясь в плену у хунну! Она здесь, в этой деревне смерти!

Огромный исторический диссонанс захлестнул его. Он заставил себя успокоиться, подобрал

пестик и, стараясь скрыть внутреннюю бурю, поклонился:

— Прошу прощения за невежество! Господин Цай Юн известен своей ученостью, мастерством в каллиграфии и музыке, кто в Поднебесной не знает его имени?

Цай Янь нахмурилась, в ее глазах промелькнула печаль:

— Вы так хорошо знаете моего отца? Он... был отправлен в ссылку в Шофан из-за доноса евнухов... Я сопровождала его, но по пути... мы наткнулись на отряд Желтых повязок... и потеряли друг друга.

Цзян И лихорадочно соображал. Ссылка в Шофан... По истории, отца помилуют вскоре после смерти императора Лин-ди, но тогда уже власть будет в руках Дун Чжо, и Цай Юн будет вынужден служить ему, а позже погибнет от рук Ван Юня! А саму Цай Янь ждет двенадцать лет плена у хунну! Их встреча сейчас — случайность или шанс изменить ход истории?

— Скорблю вместе с вами, — сказал он, подавляя эмоции. — Господин Цай мудр, он обязательно выберет верный путь. Сейчас главное — спасти живых и остановить эпидемию! — он протянул ей миску с концентрированным отваром. — Покормите его, а я осматрю остальных.

Следующие дни стали для деревни пределом выживания. Цзян И стал здесь единственным командиром, а Цай Янь — его верным помощником.

Он разметил территорию: зона карантина, чистая зона и зона кремации. Приказал кипятить всю воду. Всех умерших, несмотря на вопли жителей, сжигать с использованием спирта. Пламя взвивалось к небу, черный дым застилал солнце, и каждый раз это сопровождалось рыданиями, но Цзян И был непреклонен.

Он заставлял оставшихся стариков кипятить уксус, чтобы дезинфицировать воздух. Требовал, чтобы все, кто ухаживал за больными, постоянно мыли руки и стирали одежду в кипятке.

Поначалу это вызывало протест. Жители считали его методы осквернением мертвых. Один старик даже замахнулся клюкой, не желая отдавать тело сына.

— Сжечь — значит, возможно, выжить! — Цзян И перехватил его руку, глядя в глаза как кинжалом. — Не сжечь — и через три дня ты, твоя жена и твой внук отправитесь следом! Выбирай!

Цай Янь молча наблюдала за тем, как он борется с невежеством и страхом. Она видела, как он, не брезгуя, очищает гнойные раны, как отдает последние крохи зерна детям... Ее взгляд, полный сомнений, сменился глубоким уважением.

На седьмой день мальчик, которому он делал кровопускание, пропотел, температура спала, лимфоузлы начали уменьшаться. В деревне забрезжила жизнь.

Вечером Цай Янь подошла к Цзян И, который мыл руки у чана с водой.

— Ваши методы, — сказала она хрипло, — не описаны в классических книгах, они суровы и необычны... Но... они действуют как чудо. Я признаю ваше мастерство.

Закат подчеркивал ее тонкий силуэт. Отмытая от грязи, в скромном платье, она напоминала лотос, очистившийся от ила. Цзян И на мгновение задержал на ней взгляд, но тут же отвел его.

— Это лишь вынужденные меры, — сказал он. — Эпидемия подавлена, но источник не устранен. Боюсь...

— Что именно? — насторожилась она.

Цзян И не ответил. Он подошел к обочине дороги и указал на влажную низину, где валялись трупы крыс.

— Смотрите. Их слишком много, и они лежат вдоль дороги, словно их кто-то специально разбросал.

Цай Янь побледнела:

— Вы хотите сказать... это сделано намеренно?

— Чума не распространяется так ровно. Это дело рук людей. Кто-то хочет, чтобы болезнь пошла дальше!

— Кто?! — в ее голосе дрожала ярость.

— Путь Великого Благоденствия! — отрезал Цзян И. — Чжан Цзяо и его братья пудрят мозги людям. Если кто-то не верит, они насылают чуму, а потом «спасают» их, выдавая себя за божественных посланников, чтобы заставить людей вступить в секту!

Цай Янь пошатнулась, ухватившись за сухое дерево. Она была умна и сразу поняла весь ужас происходящего.

— Небеса... это же нелюди! — она заплакала.

— В это смутное время жизнь людей — лишь грязь под ногами сильных, — сказал Цзян И. — Госпожа Цай, здесь опасно. Как только они узнают, что деревня не вымерла, они вернутся. Вам нужно уходить!

— Но жители... — прошептала она.

— Я оставил им лекарства и инструкции. Теперь все зависит от них. А вот вы, дочь Цай Юна, одна в этом месте, полном опасностей... Если с вами что-то случится, это станет трагедией для вашего отца.

Он посмотрел ей прямо в глаза:

— Я готов сопровождать вас на север, чтобы найти вашего отца. Я сделаю все, чтобы защитить вас!

Цай Янь замерла. Лунный свет падал на ее лицо. Путешествовать с мужчиной? Это против правил приличия! Но остаться одной? Что она сможет сделать?

Она посмотрела на деревню, в которой теплилась жизнь, а потом на Цзян И. Его лицо, изборожденное усталостью, его глаза, полные решимости... Правила приличия померкли перед лицом выживания.

Спустя долгое время она вытерла слезы и поклонилась:

— В таком случае... доверяю свою жизнь вам, господин Цзян. Я буду вечно благодарна вам за спасение и защиту.

Луна заливала светом пустынную дорогу. Цзян И отвязал коня и подвел его к девушке. Она в последний раз взглянула на долину, ставшую свидетелем ее встречи со смертью, и приняла решение.

Цзян И закинул на плечи тяжелый мешок с инструментами и порошками, которые теперь казались еще тяжелее из-за новой ответственности. Он в последний раз оглянулся на хижины, похожие в темноте на могильные холмы, и зашагал вперед.

Вдвоем, под холодным светом луны, они двинулись на север, в самый центр хаоса, навстречу судьбе, в которой кровь и огонь будут переплетаться с легендами.

<http://bllate.org/book/18471/1771454>